

БОЛЬШАЯ САГА О ВЫБОРАХ,
КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ ВСЁ

ЦЕНА СВОБОДЫ

— СЕЗОН 2 —

ТОЛСТИКОВ. ЧАСТЬ 4

ПАПКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

— ТОМ II —

СВИДЕТЕЛИ
ЧУЖОЙ ПРАВДЫ

Каждый
свидетель
знает лишь
часть правды.
Но кто
собирает
целую?

*Иногда
правда
говорит
чужими
голосами...*

— НАДЕЖДА ПОРОШИНА —

СЕМЕЙНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН
С ЭЛЕМЕНТАМИ МИСТИКИ

О ТОМ, КАК ЛЮБОВЬ ПРОХОДИТ ИСПЫТАНИЕ ПРАВДОЙ

Надежда Порошина
ЦЕНА СВОБОДЫ. СЕЗОН
2. Толстиков. Часть 4. Папка
доказательств. Том 11.
Свидетели чужой правды

*<https://litres.ru/74593512>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Каждый свидетель знает лишь часть правды. Сестра видит страх Лины после побега, соседка подтверждает, что дети не оставались одни, воспитательница — что Юлия окружена заботой, Павел рассказывает о жизни под камерами, а специалист обнаруживает следы удалённого доступа к микрофону. Но близких объявляют заинтересованными, детские воспоминания — субъективными, а технические доказательства не называют виновника.

Алексей приводит «независимого» свидетеля, видевшего одну спокойную передачу ребёнка. Этого короткого эпизода оказывается достаточно, чтобы противопоставить его месяцам давления. Пока Лина пытается собрать отдельные голоса в единую историю, суд видит только разрозненные комнаты — и не

замечает дом. А в конце появляется первый документ, который касается не преследования, а её собственного здоровья.

«Свидетели чужой правды» — одиннадцатый том семейно-психологической саги «Цена свободы», остросюжетный роман с элементами мистики. Основано на реальных событиях.

Содержание

Глава 11. Каждый видел своё	5
Глава 12. Заинтересованное лицо	45
Глава 13. Три минуты без присмотра	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Надежда Порошина
ЦЕНА СВОБОДЫ.
СЕЗОН 2. Толстиков.
Часть 4. Папка
доказательств. Том 11.
Свидетели чужой правды

Глава 11. Каждый видел своё

Папка называлась «Свидетели».

Лина написала это слово чёрным маркером на синей картонной обложке и несколько секунд смотрела, как высыхают буквы.

До этого у неё уже были другие папки.

«Медицинские документы».

«Переписка».

«Передачи Юли».

«Исполнительное производство».

«Полиция и опека».

Каждая появилась после очередного события, которое

сначала казалось единичным.

Звонок.

Заявление.

Приезд.

Акт.

Требование объяснений.

Новое постановление.

Поначалу Лина сохраняла документы, потому что боялась забыть подробности. Потом — потому что поняла: память не считается доказательством. Теперь она раскладывала жизнь по разделам, потому что без папок сама начинала сомневаться, действительно ли всё происходило именно так.

Слишком часто Алексей произносил:

«Ты всё перепутала».

«Такого не было».

«Ты неправильно поняла».

«Докажи».

Теперь доказательства занимали половину верхней полки шкафа.

Новую папку Лина пока не убирала.

Положила перед собой на кухонный стол и открыла блокнот.

В квартире было тихо. Юля спала в комнате, Павел делал уроки за закрытой дверью. За окном рано стемнело, и стекло превратилось в зеркало.

В нём отражались лампа, стол и сама Лина.

На секунду ей показалось, что за её плечом горят три красные точки.

Она обернулась.

Ничего.

Только зелёный индикатор роутера и красная лампочка на удлинителе.

Лина снова посмотрела в окно.

Точки исчезли.

Она открыла чистую страницу и написала:

Кто что видел лично.

Не что слышал от неё.

Не что предполагал.

Не что мог подтвердить по общему впечатлению.

Только видел.

Первой она записала Галину Сергеевну.

Под именем поставила несколько тире:

**приходила к детям во время ремонта сада;
находилась с ними до моего возвращения;
может подтвердить, что дети не оставались одни;
слышала разговор после заявления;
знает, что Алексей требовал передать Юлю ему.**

Лина остановилась.

Последний пункт был неточным.

Галина Сергеевна не слышала, как Алексей требовал от-
дать дочь. Об этом Лина рассказала ей позже.

Она зачеркнула строку.

Рядом написала:

Не видела его требований лично.

Раньше Лина оставила бы формулировку как есть. Она знала, что говорила правду, а значит, не почувствовала бы разницы между тем, что соседка видела, и тем, о чём узнала от неё.

Теперь разница имела значение.

Правда тоже нуждалась в границах.

Следующей была Ирина.

Помогла после переезда.

Видела сообщения и звонки Алексея.

Находилась рядом во время встречи второго декабря.

Видела машину.

Знала, что Лина записывает разговор.

Видела её состояние после встречи.

Лина снова остановилась.

Ирина не слышала всего разговора в машине.

Находилась в кафе, следила через окно и подошла только после того, как Лина вышла.

Лина добавила:

Разговор лично не слышала. Есть аудиозапись.

Потом записала сестру.

Несколько раз перечитала имя.

Сестра видела многое.

Как Лина вздрагивала от звука телефона.

Как проверяла двор перед выходом.

Как ночью прислушивалась к лифту.

Как пыталась говорить об Алексее спокойно, даже когда руки начинали дрожать.

Как Юля возвращалась после некоторых встреч перевозбуждённой и долго не могла уснуть.

Как Павел замолкал, услышав знакомую фамилию.

Но сестры не было рядом в доме Алексея.

Она не видела камер.

Не слышала его шагов в коридоре.

Не наблюдала, как Павел держал дверь открытой.

Не присутствовала при разговоре о деньгах.

Не видела, как Алексей хватал Лину за рукав в ночь отъезда.

Она видела последствия.

А последствия всегда было легче назвать чужой интерпретацией.

Под именем сестры Лина написала:

Состояние детей и матери после переезда.

Страх внезапных приездов.

Сохранение переписки и записей.

Отсутствие запрета на общение с Юлей.

Попытки договориться о безопасном порядке.

Потом — воспитательница Юли.

Состояние ребёнка до и после встреч.

Передача информации о болезни.

Кто приводил и забирал Юлю.

Неожиданные появления Алексея.

Запросы сведений о посещении.

Заведующая.

Обращения Алексея в детский сад.

Требования предоставить информацию.

Конфликт вокруг права забирать ребёнка.

Содержание заявлений — если согласится говорить.

Сотрудница ПДН.

Лина долго держала ручку над страницей.

Сотрудница видела Алексея в кабинете.

Разговаривала с ним.

Задавала вопрос о запахе алкоголя.

Слышала, как он объяснял цель заявления.

Но станет ли она свидетельствовать против человека, чьё обращение была обязана рассматривать?

И назовёт ли увиденное так же, как называла тогда?

Лина всё-таки написала:

Личное состояние Алексея при даче объяснений.

Его слова о том, что дети должны были находиться с ним.

Рядом поставила вопросительный знак.

Технический специалист.

Здесь всё казалось проще.

Он видел устройства.

Программу удалённого доступа.

Записи соединений.

Разрешения на использование микрофона.

Время активности.

Но даже он не мог сказать, кто именно сидел на другом конце соединения.

Компьютер показывал действия.

Не лицо.

Лина записала:

Подтверждает техническую возможность удалённого доступа.

Подтверждает следы соединений.

Подтверждает доступ к микрофону.

Не устанавливает личность пользователя.

Последняя строка выглядела так, будто перечёркивала предыдущие.

Она провела под ней черту.

Потом написала имя Павла.

И больше ничего.

Ручка замерла.

За дверью комнаты скрипнул стул.

Через несколько секунд появился Павел.

— Мам, можно воды?

— Конечно.

Он прошёл к раковине, взял стакан. Пока наливал воду, посмотрел на разложенные бумаги.

— Опять про Алексея?

— Да.

— Что на этот раз?

— Составляю список людей, которые могут подтвердить, что происходило.

Павел отпил воду.

— А зачем?

— Чтобы у нас были не только мои слова.

— А запись?

— Запись тоже есть.

— И сообщения.

— Есть.

— И программа на ноутбуке.

— Да.

— Тогда почему ещё нужны люди?

Лина посмотрела на список.

— Потому что одну запись можно назвать вырванной из разговора. Одно сообщение — написанным на эмоциях. Один случай — совпадением.

— А если случаев много?

— Тогда нужно показать, что они связаны.

Павел подошёл ближе.

Прочитал первое имя.

— Галина Сергеевна.

— Она может подтвердить, что была с вами, когда сад закрывали на ремонт.

— Она весь день была.

— Я знаю.

— Мы ещё пирог ели.

— Знаю.

— Яблочный.

— Помню.

Он прочитал следующее имя.

— Ирина.

— Она была рядом второго декабря.

— Когда ты села к нему в машину?

— Да.

— Но она же сидела в кафе.

— Поэтому сможет подтвердить только то, что видела сама.

Павел нахмурился.

— А остальное она знает.

— От меня.

— Но ты ей не врала.

— Дело не только во лжи. Свидетель должен рассказывать о том, что видел или слышал лично.

Павел снова посмотрел на страницу.

— А воспитательница что видела?

— Как Юля ходит в сад. В каком состоянии приходит. Кто её забирает.

— Она не видела, что было дома.

— Нет.

— Галина Сергеевна тоже не видела.

— Нет.

— Ирина не слышала весь разговор.

— Не слышала.

— Специалист не знает, кто включал микрофон.

Лина молчала.

Павел поставил стакан на стол.

— Получается, каждый видел чуть-чуть?

— Получается.

— А если сложить всё вместе, они поймут?

— Должны.

— А если будут читать по одному листу?

Вопрос прозвучал буднично.

Павел не пытался сформулировать что-то важное. Просто заметил то, что Лина старалась не замечать.

Она посмотрела на отдельные имена.

Между ними оставались пустые строки.

Каждый человек видел одну комнату.

Никто, кроме неё и Павла, не жил во всём доме.

— Поэтому я и делаю общий список, — сказала Лина.

— А нас кто-нибудь спросит?

Она посмотрела на его имя.

— Меня уже спрашивают.

— Я про меня.

— Не знаю.

— Но я видел больше всех.

— Да.

— Тогда почему возле моего имени ничего нет?

Лина закрыла блокнот ладонью.

— Потому что ты ребёнок.

— Я не маленький.

— Дело не в этом.

— А в чём?

— Я не хочу, чтобы тебя втягивали в разговоры взрослых.

Павел усмехнулся без радости.

— Я уже был в разговорах взрослых. Просто они разговаривали так, будто меня рядом нет.

Лина отвела взгляд.

В доме Алексея Павел действительно слышал почти всё.

Даже то, что говорилось за закрытой дверью.

Крики проходили через стены.

Угрозы — тоже.

Только потом взрослые спрашивали, почему ребёнок стал тревожным, будто тревога появилась сама.

— Одно дело слышать дома, — сказала Лина. — Другое — рассказывать незнакомым людям.

— Я уже рассказывал психологу.

— И тебе было тяжело.

— Мне тяжелее, когда Алексей говорит, что ничего не было.

Лина хотела ответить, но не нашла слов.

Павел сел напротив.

— Напиши, что я видел камеры.

— Все знали, что камеры были.

— Не все знали, как он ими пользовался.

— Как?

— Ты сама знаешь.

— Мне важно услышать, что помнишь ты.

Павел задумался.

— Он спрашивал, почему я закрыл дверь. Хотя его не было дома.

Лина взяла ручку.

Но писать не стала.

— Ещё?

— Звонил тебе, когда мы долго сидели на кухне.

— Возможно, просто видел, что камера не двигается.

— Она двигалась.

— Паша...

— Ты опять думаешь, что я что-то придумал?

— Нет.

— Тогда почему не записываешь?

Лина посмотрела на его лицо.

Он сердился.

Но за раздражением было другое.

Страх, что его память тоже однажды объявят неправильной.

— Я не думаю, что ты придумал, — сказала она. — Я боюсь, что тебя заставят повторять это много раз. Потом нач-

нут задавать вопросы так, будто ты обязан доказать каждое слово.

— Как тебе?

— Да.

— Тогда я знаю, как это бывает.

Он произнёс это слишком спокойно.

Лина почувствовала вину.

Она ушла из дома, чтобы Павел перестал жить внутри её страха. Но страх переехал вместе с ними, а теперь к нему добавились учреждения, объяснения и папки.

— Ты не обязан меня защищать, — сказала она.

— Я не защищаю.

— А что делаешь?

— Говорю, как было.

— Иногда за правду тоже приходится платить.

— А если молчать, платить не приходится?

Лина не ответила.

Павел подождал.

Потом забрал стакан.

— У меня математика осталась.

— Иди делай.

Он дошёл до двери, но остановился.

— Мам.

— Что?

— Если они будут читать по одному листу, положи листы рядом.

— Постараюсь.

— Не «постараюсь».

Лина посмотрела на него.

Когда-то она сама говорила так Павлу, требуя обещания, которого ребёнок не мог дать.

Теперь он хотел от неё невозможного: гарантии, что взрослые увидят очевидное.

— Положу, — сказала она.

Павел кивнул и вернулся в комнату.

Дверь закрыл до конца.

Лина снова посмотрела на его имя.

Под ним написала:

Камеры.

Открытая дверь.

Крики.

Поведение Алексея дома.

Страх после переезда.

Потом добавила:

Использовать только при необходимости.

Эту строку подчеркнула дважды.

Ирина приехала вечером.

Привезла распечатанную переписку и флешку с копиями аудиозаписей.

— Я всё разложила по датам, — сказала она, снимая курт-

ку. — Отдельно до мирового соглашения, отдельно после.

— Проходи тихо. Юля спит.

— Я ненадолго.

На кухне Ирина увидела синюю папку.

— Новая?

— «Свидетели».

— Наконец-то.

— Почему наконец?

— Потому что до этого ты всё пыталась доказать документами.

— Документам должны верить больше, чем людям.

— В идеальном мире.

Ирина села за стол и открыла принесённую папку.

— Здесь сообщения, которые ты пересылала мне после переезда. Здесь мои ответы. Здесь скриншоты звонков. Я сделала таблицу: дата, время, что произошло.

— Ты сохранила всё?

— Почти.

— Зачем?

Ирина подняла глаза.

— Потому что ты иногда удаляла сообщения.

— Я не удаляла.

— Удаляла.

— Когда?

— В первые недели. Он писал что-нибудь спокойное, и ты начинала думать, что предыдущие угрозы были не всерьёз.

Потом стирала переписку, чтобы не видеть.

Лина попыталась вспомнить.

После переезда дни смешались.

Она включала старый телефон на несколько минут, сохраняла сообщения, выключала. Некоторые фразы перечитывала десятки раз. Другие удаляла сразу, будто исчезновение текста могло отменить его смысл.

— Я пересылала себе то, что казалось важным, — сказала Ирина. — Не всё сохранилось, но многое.

Лина взяла первую распечатку.

Сообщение Алексея:

Я всё равно узнаю, где вы.

Ниже её пересланная фраза:

Он не остановится.

И ответ Ирины:

Не выходи одна.

На следующем листе:

Я ИМЕЮ ПРАВО ВИДЕТЬ ДОЧЬ.

Потом:

НЕ ДУМАЙ, ЧТО СМОЖЕШЬ СПРЯТАТЬСЯ.

Ещё ниже:

Я НЕ УГРОЖАЮ. Я ПРЕДУПРЕЖДАЮ.

— Это было до второго декабря? — спросила Лина.

— Часть до. Часть после.

— Ты можешь подтвердить, что получила сообщения именно тогда?

— Могу.

— Но сам Алексей тебе не писал.

— Нет.

— Значит, он скажет, что ты видела только то, что переслала я.

— Пусть говорит.

— И что я могла удалить часть переписки.

— Могла.

— И выбрать только удобные сообщения.

— Могла.

— Ирина, это не поможет.

Та закрыла папку.

— Что именно не поможет?

— Ты моя подруга.

— И?

— Они скажут, что ты заинтересована.

— Разумеется, заинтересована. Я заинтересована, чтобы человек не использовал ребёнка для давления на тебя.

— Вот именно.

— Что именно?

— Ты уже даёшь оценку.

— Потому что видела, как он это делает.

— Ты видела не всё.

— Никто не видел всё.

Лина посмотрела на список.

— Паша сказал то же самое.

— Умный мальчик.

— Это не комплимент.

— Я знаю.

Ирина придвинула к себе блокнот.

— Давай иначе. Что я видела лично?

— Ты помогла нам после ухода.

— Да.

— Видела поток сообщений.

— Да.

— Сидела в кафе второго декабря.

— Да.

— Видела, что машина стояла в стороне от входа.

— Да.

— Видела, что я проверяла дверь перед тем, как сесть.

— Да.

— Видела, что он заблокировал замки?

— Нет.

— Слышала угрозу найти нас?

— Не в тот момент.

— Вот.

— Но есть запись.

— Он скажет, что запись смонтирована.

— Тогда нужна экспертиза.

— За которую снова придётся платить.

— Если понадобится — будем решать.

Лина покачала головой.

— Всё время «будем решать».

— А ты хочешь, чтобы существовал один документ, после которого он больше ничего не сможет сделать.

— Да.

— Такого документа нет.

— Должен быть.

— Нет, Лина. Есть только много маленьких вещей, которые приходится сохранять.

Ирина открыла синюю папку.

— Поэтому она и нужна.

— Папка не остановит его.

— Не остановит. Но не позволит каждому новому человеку начинать историю с его заявления.

Лина медленно провела пальцем по надписи «Свидетели».

— Он уже начал раньше нас.

— Что значит раньше?

Вместо ответа Лина взяла телефон.

На экране было новое уведомление.

Сообщение пришло несколько минут назад, но звук она отключила.

Алексей писал:

Я ЗНАЮ, ЧТО ТЫ СОБИРАЕШЬ ЛЮДЕЙ, ЧТОБЫ ОНИ ДАЛИ ПОКАЗАНИЯ.

Лина перечитала.

Потом ещё раз.

Ирина наклонилась ближе.

— Откуда он знает?

— Не знаю.

— Ты кому говорила?

— Сестре. Галине Сергеевне. Тебе.

— В сад звонила?

— Только воспитательнице. Спросила, сможет ли она подтвердить даты.

— Может, она сказала заведующей, заведующая — ему.

Лина пролистнула экран.

Следом пришло ещё одно сообщение:

ТВОЯ СЕСТРА СКАЖЕТ ВСЁ, ЧТО ТЫ ПОПРОСИШЬ.

Потом:

ИРИНА ДАВНО НАСТРАИВАЕТ ТЕБЯ ПРОТИВ МЕНЯ.

И ещё:

СОСЕДКУ ТЫ ТОЖЕ ПОДГОТОВИЛА.

Ирина выпрямилась.

— Он перечисляет по именам.

— Да.

— Про специалиста написал?

Лина подождала.

Три точки появились внизу экрана.

Новое сообщение:

А ТВОЙ КОМПЬЮТЕРЩИК НИЧЕГО НЕ ДОКА-

ЗАЛ. УДАЛЁННЫЙ ДОСТУП МОГЛА ПОСТАВИТЬ ТЫ САМА.

Лина почувствовала холод.

— Вот и специалист.

Ирина взяла её телефон.

— Не отвечай.

— Я и не собиралась.

— Он снова знает слишком много.

— О проверке ноутбука уже знают в полиции.

— А о списке свидетелей?

Лина посмотрела на закрытую дверь комнаты Павла.

Этот список она начала составлять только сегодня.

С сестрой разговаривала утром по телефону, когда ноутбук был выключен и лежал в коробке.

Галине Сергеевне написала сообщение.

Воспитательнице позвонила по дороге домой.

С Ириной обсуждала всё сейчас.

На кухне.

Без старого ноутбука.

— Возможно, он просто предполагает, — сказала Лина.

— И случайно назвал всех?

— Галину Сергеевну знает из заявления. Тебя — с самого начала. Сестру — потому что она моя сестра. Специалиста — из материалов проверки.

— Возможно.

Но голос Ирины звучал неуверенно.

Следующее сообщение было длиннее:

**БЛИЗКИЕ РОДСТВЕННИКИ И ПОДРУГИ НЕ
МОГУТ БЫТЬ ОБЪЕКТИВНЫМИ. СОСЕДКА НЕ
ЗНАЕТ, ЧТО ПРОИСХОДИТ В СЕМЬЕ. ВОСПИ-
ТАТЕЛИ ВИДЯТ РЕБЁНКА НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ.
ПАШКА ПОВТОРЯЕТ ЗА ТОБОЙ. НИКАКИХ НЕЗА-
ВИСИМЫХ СВИДЕТЕЛЕЙ У ТЕБЯ НЕТ.**

Лина дошла до имени Павла и замерла.

— Я никому не говорила, что могу привлечь Пашу.

— Может, догадался.

— Я сама ещё не решила.

— Он знает, что мальчик жил с вами.

— Но почему написал именно сейчас?

Ирина положила телефон на стол.

— Сохрани.

— Уже.

— Сделай скриншоты.

— Сделаю.

— И добавь в папку.

Лина усмехнулась.

— Ещё один лист.

— Да.

— Один из многих.

— Именно из них всё и состоит.

На телефоне снова появились три точки.

Последнее сообщение:

СУД НЕ БУДЕТ СЛУШАТЬ ТВОИ ФАНТАЗИИ.

Лина смотрела на экран.

Алексей ещё не слышал показаний.

Не знал, что скажет каждый человек.

Но уже подготовил объяснение, почему им нельзя верить.

— Он не будет опровергать события, — сказала она.

— Что?

— Он будет опровергать людей.

Ирина перечитала сообщения.

— Похоже на то.

— Если сестра расскажет, как я боялась, он скажет, что она родственница. Если ты покажешь переписку — что я пересылала тебе только удобное. Если Галина Сергеевна подтвердит, что была с детьми, он скажет, что она покрывает меня.

— А если воспитательница подтвердит, что Юля была ухожена?

— Скажет, что она не знает нашей семьи.

— Специалист?

— Не установил, кто подключался.

— Павел?

Лина посмотрела на последнее сообщение.

— Повторяет за мной.

Ирина помолчала.

— Значит, он действительно готовится.

— Нет.

— А что тогда?

— Он уже всё решил. Неважно, что скажут свидетели. Для каждого у него есть причина, по которой этот человек неправ.

— Тогда нужны нейтральные.

— Кто?

Ирина не ответила.

Нейтральные люди не жили в их доме.

Не слышали, как менялся голос Алексея после пива.

Не видели, как Павел следил за дверью.

Не знали, почему Лина выключала звук телефона.

Не были рядом в машине второго декабря.

Нейтральность существовала только там, где человек почти ничего не знал.

— Может, сотрудница ПДН, — сказала Ирина.

— Она обязана быть нейтральной.

— Она заметила запах алкоголя.

— Но зафиксировала ли?

— Не знаю.

— Если не зафиксировала, скажет, что не помнит.

— Тогда заведующая.

— Она не захочет вмешиваться.

— Воспитательница?

— Скажет только про сад.

— Получается, чем человек ближе к правде, тем легче называть его заинтересованным.

— Да.

— А чем дальше — тем меньше он может подтвердить.

Лина закрыла папку.

Щелчок металлического зажима прозвучал слишком громко.

Из комнаты донёлся плач Юли.

Она поднялась.

— Я посмотрю, — сказала Ирина.

— Нет. Сиди. Я сама.

В спальне Юля стояла в кроватке, держась за бортик. Волосы прилипли ко лбу, одна щека покраснела после сна.

— Мамочка здесь.

Лина взяла её на руки.

Девочка сразу положила голову ей на плечо.

— Всё хорошо.

Она произнесла это автоматически.

Юля всхлипнула и сжала ворот её кофты.

Из кухни тихо донёлся звук входящего сообщения.

Лина не пошла проверять.

Качала дочь и смотрела в тёмное окно.

В стекле отражалась детская кроватка.

Шкаф.

Открытая дверь.

Её собственная фигура с ребёнком на руках.

На секунду за отражением снова появились три красные точки.

Теперь Лина не обернулась.

Она знала: в квартире нет камер.

Но старый дом больше не нуждался в устройствах, чтобы продолжать присутствовать.

Он остался в привычке проверять окна.

В ожидании сообщений.

В вопросах Павла.

В каждой новой папке.

Юля перестала плакать.

Лина уложила её, дождалась, когда дыхание станет ровным, и вернулась на кухню.

Ирина уже собрала распечатки.

— Я пойду.

— Останься на чай.

— Поздно. Завтра рано вставать.

— Спасибо за документы.

— Если понадобится объяснение, дам.

— Даже если тебя назовут заинтересованной?

— Особенно тогда.

Лина проводила её до двери.

Перед выходом Ирина остановилась.

— Не пытайся найти идеального свидетеля.

— Почему?

— Потому что идеальный свидетель должен был всё время жить рядом и при этом не быть тебе близким. Так не бывает.

— Камеры жили рядом.

— И принадлежали ему.

Лина кивнула.

— Доедешь — напиши.

— Напишу.

После ухода Ирины квартира снова стала тихой.

Павел всё ещё не спал.

Из-под двери его комнаты падала полоска света.

Лина заглянула.

Он сидел за столом и что-то записывал в тетрадь.

— Математику закончил?

— Давно.

— Что пишешь?

Павел прикрыл страницу ладонью.

— Ничего.

— Хорошо.

Она не стала спрашивать.

— Ирина ушла?

— Да.

— Алексей опять писал?

Лина задержалась у двери.

— Ты слышал?

— Только телефон.

— Писал.

— Про свидетелей?

— Откуда ты знаешь?

Павел пожал плечами.

— Он всегда узнаёт, о чём мы говорим.

— Не всегда.

— Почти.

— Ноутбук больше не работает.

— Я знаю.

— Планшет тоже отключён.

— Знаю.

— Тогда откуда...

— Мам, я не говорю, что он сейчас слушает. Просто раньше, если мы что-то решали, он потом обязательно говорил именно про это.

Лина посмотрела на тетрадь под его рукой.

— Ты поэтому записываешь?

— Что?

— То, что происходит.

Павел убрал ладонь.

На странице было несколько строк.

Лина успела прочитать только дату.

— Иногда, — сказал он.

— Можно посмотреть?

Он подумал.

Потом закрыл тетрадь.

— Пока нет.

— Хорошо.

— Ты не обиделась?

— Нет. Это твоё.

Павел внимательно посмотрел на неё, словно проверяя, действительно ли она согласна с собственными словами.

— А если понадобится?

— Что?

— Если понадобится показать, как всё было.

— Тогда решишь сам.

— А если я решу неправильно?

Лина подошла и положила руку ему на плечо.

— Ты ребёнок. Ты не должен принимать правильные для суда решения.

— А какие должен?

— Правильные для себя.

— Это какие?

Она не нашла простого ответа.

— Те, после которых тебе не придётся предавать себя.

Павел нахмурился.

— Ещё сложнее сказала.

Лина улыбнулась.

— Тогда пока просто храни тетрадь.

— В синюю папку не положишь?

— Без твоего разрешения — нет.

— А если Алексей найдёт?

— Здесь он её не найдёт.

— Ты уверена?

Она хотела сказать «да».

Но обещания снова оказалось слишком большим.

— Мы придумаем безопасное место.

Павел открыл нижний ящик стола.

Там лежала синяя машинка с отклеенным колесом.

Та самая, которую они вывезли из дома вместе с документами.

Он положил тетрадь под неё.

— Здесь.

— Почему?

— Он никогда не считал игрушки важными.

Лина смотрела на машинку.

Когда-то среди документов они прятали игрушку.

Теперь среди игрушек прятали свидетельство.

— Спокойной ночи, — сказала она.

— Спокойной.

Она закрыла дверь, оставив маленькую щель.

Павел тут же встал и закрыл её до конца.

Лина слышала щелчок.

И не попросила открыть.

Ночью ей приснился дом.

Не тот, из которого они уехали.

Другой.

Прозрачный.

Стены были сделаны из толстого стекла. Через них Лина

видела все комнаты сразу.

В первой стояла Галина Сергеевна с тарелкой яблочного пирога.

Во второй — Ирина с телефоном в руке.

В третьей — сестра Лины, прижимавшая к груди стопку сообщений.

В четвёртой — воспитательница возле ряда детских шкафчиков.

В пятой — технический специалист перед светящимся экраном.

В шестой стоял Павел.

Он держал закрытую тетрадь.

Все что-то говорили.

Лина видела, как движутся их губы.

Но не слышала ни слова.

Она подошла к стеклу и постучала.

Галина Сергеевна не повернулась.

Лина ударила сильнее.

Никто не услышал.

Из коридора появилась девочка.

Она была старше, чем в прежних снах.

Или Лине только показалось.

На ней было светлое платье, а в руках — лист бумаги.

— Почему они молчат? — спросила Лина.

— Они говорят.

— Я не слышу.

— Стены не пропускают звук.

— Тогда нужно открыть двери.

— Их нет.

Лина осмотрела прозрачные перегородки.

Ни ручек.

Ни замков.

Только цельные стеклянные листы.

— Как они выйдут?

— По одному.

— Куда?

Девочка указала на дальний конец коридора.

Там находилась белая дверь.

Возле неё сидел человек за столом.

Лица не было видно.

Перед ним лежала тонкая папка.

Первая комната открылась.

Галина Сергеевна вышла и протянула человеку лист.

Он прочитал.

Оторвал нижнюю половину.

Верхнюю положил в папку.

Галина Сергеевна попыталась что-то объяснить, но дверь уже закрылась.

Следующей вышла Ирина.

Её лист тоже разделили пополам.

Потом сестра.

Воспитательница.

Специалист.

Каждый отдавал часть правды.

Каждому возвращали то, что посчитали лишним.

— Почему он рвёт страницы? — спросила Лина.

— Оставляет только то, что видел каждый.

— Но они связаны.

— Он не видит связи.

— Тогда я покажу.

Лина шагнула к белой двери.

Стеклянная стена преградила путь.

— Как мне туда попасть?

Девочка подняла свой лист.

На нём был нарисован план дома.

Все комнаты.

Все стены.

Все люди.

Тонкие линии соединяли их между собой.

— Дай мне, — попросила Лина.

Девочка не протянула лист.

— Сначала ответь.

— На что?

— Кто из них видел весь дом?

Лина посмотрела на комнаты.

— Никто.

— Тогда откуда ты знаешь, что это дом?

— Потому что вижу его целиком.

— А тот человек у двери?

— Видит только листы.

— Значит, что ты должна ему принести?

— План.

Девочка улыбнулась.

— Не чужую правду.

— А какую?

— Общую.

Она передала лист Лине.

В ту же секунду в каждой комнате загорелась красная точка.

Раз.

Два.

Три.

Потом десятки.

Они отражались в стекле, множились и превращали прозрачный дом в одну большую камеру.

Лина прижала план к груди.

— Они увидят меня.

— Уже видят.

— Тогда как я донесу его?

— Не прячься.

— Но они отнимут.

— Сделай копии.

Стекло вокруг треснуло.

Лина проснулась.

В комнате было темно.
Телефон показывал три часа семнадцать минут.
Лина лежала неподвижно и прислушивалась.
Юля дышала рядом.
За стеной работал холодильник.
Где-то наверху прошли по комнате.
Обычные ночные звуки.
Потом раздался тихий стук.
Один удар.
Пауза.
Второй.
Лина села.
Звук шёл из комнаты Павла.
Она подошла к двери и постучала дважды.
Внутри зашевелились.
— Мам?
— Я здесь.
— Что случилось?
— Ничего. Спи.
— Ты опять сон видела?
Лина помолчала.
— Да.
— Про девочку?
— Да.

Дверь открылась.

Павел стоял растрёпанный, сонный, в слишком большой футболке.

— Что она сказала?

— Что каждый видел только одну комнату.

— А ты?

— Я должна показать весь дом.

— Как?

— Пока не знаю.

Павел потёр глаза.

— Положи листы рядом.

Лина вспомнила его дневной вопрос.

— Положу.

— Тогда будет видно.

Он закрыл дверь.

Лина вернулась на кухню.

Включила маленькую лампу.

Открыла синюю папку.

Достала список свидетелей и провела линии между именами.

Галина Сергеевна была связана с ложным заявлением.

Заявление — с требованием передать Юлю.

Требование — с графиком общения.

График — с исполнительным производством.

Ирина была связана со вторым декабря.

Второе декабря — с угрозой найти адрес.

Адрес — с прослушиванием.

Прослушивание — с ноутбуком.

Ноутбук — со словами Алексея, которые он не мог знать.

Воспитательница была связана с садом.

Сад — с запросами.

Запросы — с фиксацией появлений и отсутствий.

Фиксация — с новыми заявлениями.

Павел был связан со старым домом.

Дом — с камерами.

Камеры — с контролем.

Контроль — со всем остальным.

Получилась не таблица.

Карта.

В середине Лина написала:

Не отдельные конфликты. Один способ сохранять влияние.

Сфотографировала страницу.

Отправила копию на новый электронный адрес.

Ещё одну — Ирине.

Потом распечатала на домашнем принтере.

Оригинал положила в синюю папку.

Копию — в папку с медицинскими документами.

Ещё одну спрятала под дном ящика с детскими вещами.

Она вспомнила слова девочки:

«Сделай копии».

В четыре утра телефон снова загорелся.

Алексей прислал сообщение:

МОЖЕШЬ СОБИРАТЬ КОГО УГОДНО. НИКТО ИЗ НИХ НЕ ЗНАЕТ, ЧТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ.

Лина прочитала.

Раньше она начала бы отвечать.

Написала бы, что Галина Сергеевна знает про детей.

Что Ирина видела машину.

Что воспитательница наблюдала Юлю.

Что специалист обнаружил программу.

Что Павел жил с ними.

Попыталась бы убедить Алексея в очевидном: люди не обязаны видеть всё, чтобы каждый из них подтвердил свою часть.

Теперь Лина не стала объяснять.

Сделала скриншот.

Распечатала сообщение.

Внизу поставила дату и время.

Положила лист в папку первым.

Алексей хотел заранее доказать, что ни одному свидетелю нельзя верить.

Но тем самым подтвердил другое.

Он боялся не того, что люди солгут.

Он боялся, что каждый из них скажет правду.

Свою.

Неполную.

Увиденную из одной комнаты.

Лина закрыла папку.

Теперь ей предстояло сделать так, чтобы из отдельных комнат снова получился дом.

Глава 12. Заинтересованное лицо

Елизавета приехала раньше назначенного времени.

Когда Лина вошла в коридор, сестра уже сидела возле кабинета, положив на колени прозрачную папку с документами.

— Ты давно здесь?

— Минут десять.

— Почему не написала?

— Не хотела отвлекать.

Лина села рядом.

Коридор был узким и слишком светлым. Белые стены, серые двери, пластиковые стулья, объявления под стеклом. Возле каждого кабинета — табличка с номером и фамилией сотрудника.

На стене напротив висел плакат:

РЕБЁНОК ИМЕЕТ ПРАВО НА СЕМЬЮ.

Под надписью улыбались мужчина, женщина и девочка лет пяти.

У всех троих были одинаковые белые зубы.

Лина отвернулась.

— Ты всё принесла? — спросила она.

— Переписку. Фотографии. Копию билета, когда приезжала к вам после переезда. Выписку с работы, чтобы подтвердить даты.

— Тебя могут спросить не об этом.

— А о чём?

— Почему ты мне веришь.

Елизавета посмотрела на неё.

— Потому что ты моя сестра.

— Вот именно.

— Это теперь нарушение?

— Нет. Но они скажут, что ты заинтересована.

— Я заинтересована.

— Лучше так не говорить.

— Почему?

— Потому что потом это запишут.

— А что я должна ответить? Что мне всё равно?

Лина опустила взгляд на прозрачную папку.

Внутри лежали распечатки, фотографии и несколько листов, исписанных рукой Елизаветы.

— Просто рассказывай только то, что видела сама.

— Ты уже говорила.

— Не пересказывай мои слова как свои.

— Я понимаю.

— Если чего-то не помнишь, так и скажи.

— Хорошо.

— Не предполагай.

— Лина.

— Что?

— Я не ребёнок.

— Знаю.

— Тогда перестань инструктировать меня так, будто я могу всё испортить.

Лина замолчала.

Елизавета подождала, затем смягчила голос:

— Я понимаю, почему ты нервничаешь. Но я не собираюсь придумывать. Мне достаточно того, что я действительно видела.

— Иногда этого оказывается недостаточно.

— Тогда проблема не в моих словах.

Дверь кабинета открылась.

Вышла женщина с папкой под мышкой.

— Порошина Елизавета Андреевна?

Елизавета поднялась.

— Да.

— Проходите.

Лина тоже встала.

— А вы ожидайте здесь.

— Я могу присутствовать?

— Пока опрашивается свидетель — нет.

Сотрудница посмотрела в бумаги.

— Вас вызовут отдельно.

Елизавета быстро коснулась руки сестры.

— Всё нормально.

Дверь закрылась.

Лина осталась в коридоре.

Она выбрала стул напротив кабинета.

Отсюда было видно только матовое стекло в верхней части двери. За ним перемещались тени.

Одна принадлежала Елизавете.

Другая — сотруднице.

Иногда появлялась третья.

Лина не знала, кто ещё находился внутри.

Из-за двери доносились голоса, но слова разобрать было невозможно.

Она открыла телефон.

Новых сообщений от Алексея не было.

Последнее пришло ночью:

НИКТО ИЗ НИХ НЕ ЗНАЕТ, ЧТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ.

Лина сохранила его в отдельную папку и больше не отвечала.

Теперь экран молчал.

Это тревожило сильнее.

Когда Алексей писал, она хотя бы понимала, чем занято его внимание. Когда замолкал, начинала представлять, кому звонит и какую версию событий рассказывает.

По коридору прошёл мужчина в форме.

Остановился возле окна, ответил на звонок:

— Да, материалы поступили. Нет, сегодня не успеем. Зав-

тра посмотрю.

Материалы.

Так называлась чья-то жизнь после того, как попадала в учреждение.

Лина посмотрела на прозрачную папку, оставшуюся у Елизаветы.

Там были фотографии первых недель после переезда.

На одной Юля спала у сестры на руках.

На другой Павел сидел на полу новой квартиры и собирал маленький стеллаж.

На третьей Лина стояла возле окна.

Она не помнила, что её фотографировали.

На снимке Лина смотрела во двор, отодвинув штору двумя пальцами. Тело было напряжено, будто за стеклом находилась не обычная парковка, а человек, которого она ждала.

Елизавета написала на обороте дату.

Через четыре дня после отъезда.

В те дни Лина ещё не могла спокойно войти в подъезд.

Сначала осматривала двор.

Потом звонила Павлу и просила не открывать дверь.

Поднималась на нужный этаж, но проходила мимо квартиры, чтобы проверить лестничную площадку.

Возвращалась.

Дважды дёргала ручку после того, как закрывала замок.

Ночью вставала каждые полчаса.

Всё это видела сестра.

Но как доказать страх?

Сфотографировать женщину у окна было недостаточно.

Рассказать о бессоннице — тоже.

Алексей мог сказать, что Лина всегда была тревожной.

Что сама себя запугала.

Что Ирина и родственники усиливали её страх.

Что переезд стал стрессом по её собственной вине.

Любое последствие можно было отделить от причины.

За дверью голос Елизаветы стал громче.

Лина различила:

— Нет. Она не запрещала.

Потом снова ничего.

Через несколько минут:

— Я это видела.

И ещё:

— Потому что находилась рядом.

Лина сцепила пальцы.

Не вмешиваться.

Не стучать.

Не пытаться услышать больше.

Сестра говорила сама.

Именно этого Лина хотела.

Почему же ей казалось, что за закрытой дверью происходит что-то, что она обязана контролировать?

Потому что слишком долго Алексей контролировал любую версию событий первым.

Он говорил соседям, почему Лина уехала.

Объяснял родственникам, почему она не отвечает.

Сообщал сотрудникам, что мать препятствует общению.

Приезжал к пустому дому и фиксировал отсутствие ребёнка.

Подавал заявление, прежде чем Лина узнавала, что должна оправдываться.

Пока она пыталась понять, что произошло, его объяснение уже лежало на чьём-то столе.

Теперь за дверью впервые звучала не его версия.

И Лина боялась, что её снова сократят до нескольких удобных строк.

Елизавету спросили, когда именно она узнала об отъезде.

— До или после того, как сестра покинула место проживания? — уточнила сотрудница.

— Она сказала, что собирается уехать, за несколько дней.

— Значит, переезд планировался заранее?

— Да.

— Почему?

— Потому что она боялась, что Алексей не позволит ей уехать.

За столом сидели две женщины.

Одна задавала вопросы.

Вторая печатала.

У окна находился мужчина, которого Елизавете не представили. Он просматривал бумаги и почти не поднимал головы.

— На чём основывался её страх?

— На поведении Алексея.

— Каком именно?

— Камеры. Контроль телефона. Требования отчитываться. Крики. Деньги.

Пальцы второй женщины остановились над клавиатурой.

— Вы лично присутствовали при этом?

— Не при всём.

— Тогда рассказывайте только о том, что наблюдали сами.

Елизавета посмотрела на Линыны фотографии.

— Я приезжала к ним.

— Когда?

Она назвала несколько дат.

— Что происходило в вашем присутствии?

— Алексей проверял камеры с телефона. Спрашивал Лину, почему Павел закрывал дверь. Хотя сам находился не дома.

— Откуда вам известно, что он спрашивал именно из-за камеры?

— Он сказал: «Я видел, что дверь закрывали».

— Может быть, ему сообщил кто-то другой?

— Кто?

— Я задаю вопросы.

— Тогда нет. Не знаю, мог ли сообщить кто-то другой.
Женщина кивнула.

— Продолжайте.

— Лина постоянно следила за телефоном. Когда он звонил, сразу менялась.

— Что значит «менялась»?

— Напрягалась. Старалась говорить ровно. Если рядом были дети, уходила в другую комнату.

— Это ваша оценка её состояния?

— Я видела, как у неё дрожали руки.

— Когда именно?

Елизавета назвала приблизительное время.

— Точную дату помните?

— Нет.

Клавиши снова застучали.

— Что ещё?

— Однажды он позвонил и спросил, почему мы долго сидим на кухне.

— Вы лично слышали его слова?

— Телефон был на громкой связи.

— Почему?

— Лина держала Юлю и не могла прижать телефон к уху.

— Дословно помните?

— Он спросил: «Что вы там расселись?»

— Возможно, интересовался, когда будет готов ужин?

Елизавета посмотрела на сотрудницу.

— Возможно. Но его не было дома.

— Вопрос не в том, находился ли он дома. Вы утверждаете, что этот звонок связан с видеонаблюдением. Подтвердить это можете?

— Он видел их через камеру.

— Он сам так сказал?

Елизавета задумалась.

Тогда это казалось очевидным.

Камера находилась под потолком.

Алексей смотрел её с телефона.

Позвонил сразу после того, как женщины долго сидели за столом.

Но произносил ли он прямо: «Я смотрю на вас через камеру»?

— Нет, — сказала она. — В тот раз прямо не сказал.

— Значит, это ваше предположение?

— Основанное на том, что камера была направлена на стол.

— Камера была установлена открыто?

— Да.

— Ваша сестра знала о ней?

— Знала.

— Возражала?

— Да.

— Вы лично слышали её возражения?

— Она говорила мне.

— Не ему?

Елизавета почувствовала раздражение.

— Я не присутствовала при каждом их разговоре.

— Именно поэтому прошу отделять то, что вы видели, от того, что знаете со слов сестры.

Мужчина у окна перелистнул страницу.

Елизавета заставила себя говорить спокойнее:

— Я видела камеру. Видела, как Алексей смотрел записи. Слышала его звонок после того, как мы сидели на кухне. Видела реакцию Лины. Это то, что я наблюдала сама.

— Хорошо.

Вторая женщина продолжила печатать.

— После переезда вы находились рядом с сестрой?

— Да.

— Как часто?

— Почти каждый день в первую неделю. Потом несколько раз в неделю.

— По собственной инициативе?

— Конечно.

— Сестра просила вас приезжать?

— Иногда.

— Почему?

— Она боялась оставаться одна.

— Чего именно боялась?

— Что Алексей найдёт адрес и приедет.

— Он приезжал?

— В первые дни — нет.

— Значит, страх не реализовался?

Елизавета несколько секунд смотрела на женщину.

— Вы спрашиваете, был ли страх обоснован, если он не приехал сразу?

— Я спрашиваю только о фактах.

— Факт в том, что она боялась.

— Это её эмоциональное состояние.

— Которое я видела.

— Опишите, что именно наблюдали.

Елизавета перечислила:

— Проверяла замки. Смотрела в окно. Просила не включать основной телефон в квартире. На незнакомые машины реагировала так, будто это он. Ночью почти не спала. Несколько раз просыпалась от шагов в подъезде.

— У неё раньше наблюдалась тревожность?

— Не такая.

— Вы врач?

— Нет.

— Психолог?

— Нет.

— Значит, оценить её психическое состояние профессионально не можете?

— Я её сестра.

Сотрудница посмотрела на неё поверх очков.

— Именно.

Одно слово.

Но Елизавета услышала в нём то, о чём предупреждала Лина.

Не близость.

Не многолетнее знание человека.

Не возможность заметить изменение там, где посторонний ничего не увидит.

Заинтересованность.

— Да, — сказала Елизавета. — Именно поэтому я знаю, какой она была раньше.

— Однако профессионального заключения предоставить не можете.

— Не могу.

— После переезда сестра препятствовала общению отца с ребёнком?

— Нет.

— Откуда вам известно?

— Я присутствовала при видеозвонках. Видела переписку. Она предлагала встречи в безопасном месте.

— Сколько видеозвонков вы видели лично?

— Два.

— А сколько всего их было?

— Не знаю.

— При скольких встречах отца с ребёнком присутствовали?

— При одной.

— Значит, вы не можете утверждать, что препятствий не было в другие дни?

— Я могу сказать, что она не собиралась запрещать общение.

— О намерениях сестры вам известно с её слов?

— И по её действиям.

— По двум видеозвонкам и одной встрече?

— По тому, что она постоянно пыталась договориться.

— Переписку между сторонами вы видели полностью?

Елизавета замолчала.

Полностью — нет.

Лина показывала отдельные сообщения.

Некоторые пересылала.

Другие читала вслух.

Но телефон всё время оставался у неё.

— Не полностью, — ответила Елизавета.

— Тогда на каком основании утверждаете, что инициатором конфликтов являлся отец ребёнка?

— Я не говорила, что он был инициатором каждого конфликта.

— А чего вы хотите добиться своими показаниями?

Вопрос прозвучал неожиданно.

— Ничего.

— Вы пришли по просьбе сестры?

— Да.

— Она объяснила, какие обстоятельства необходимо под-

твердить?

— Объяснила, о чём могут спросить.

— Перед приходом вы обсуждали содержание объяснений?

— Конечно.

— Значит, согласовали позицию?

— Нет.

— Но сестра рассказала, какие именно факты считает важными?

— Да.

— Передала вам документы?

— Некоторые.

— Попросила подтвердить, что опасалась отца ребёнка?

— Она не просила подтверждать. Я это видела.

— Вы заинтересованы в том, чтобы доводы сестры были признаны обоснованными?

Елизавета вспомнила предупреждение Лины.

Лучше не говори, что заинтересована.

Она могла ответить правильно.

Формально.

Сказать, что не имеет личной заинтересованности в исходе.

Что пришла исключительно сообщить известные ей обстоятельства.

Но перед глазами снова возникла фотография Лины у окна.

Павел, проверяющий замок.

Юля, которая просыпалась ночью после возвращения.

— Да, — сказала Елизавета. — Заинтересована.

Женщина, печатавшая текст, подняла голову.

— В чём выражается ваша заинтересованность?

— В том, чтобы моя сестра и дети были в безопасности.

— То есть вы поддерживаете её позицию?

— Я поддерживаю не позицию. Я поддерживаю человека,

которого знаю всю жизнь.

— Считаете отца ребёнка опасным?

— Считаю его поведение опасным.

— Вы лично видели, как он причинял ребёнку вред?

— Физический?

— Любой.

Елизавета подумала о Павле.

О том, как мальчик прислушивался к звукам за дверью.

О Юле, которая ещё не могла объяснить, что чувствует.

О Лине, которая после каждого сообщения пыталась понять, является ли фраза угрозой или ей снова кажется.

— Я видела последствия, — ответила Елизавета.

— Какие?

— Страх.

— У кого?

— У Лины. У Павла.

— Юля боялась отца?

— Я не могу этого утверждать.

— Значит, в отношении общего ребёнка негативных последствий лично не наблюдали?

— Я видела, как она плохо спала после некоторых встреч.

— У детей бывают нарушения сна по разным причинам.

— Я знаю.

— Обращались к врачу?

— Лина обращалась.

— Медицинские документы у вас есть?

— Нет.

— Тогда вернёмся к тому, что вы наблюдали лично.

Елизавета посмотрела на прозрачную папку.

Она принесла десятки листов.

Но пространство допустимого рассказа становилось всё уже.

Лину вызвали через сорок минут.

Елизавета вышла первой.

Лицо у неё было спокойным, только пальцы слишком крепко держали папку.

— Как прошло? — спросила Лина.

— Потом.

Из кабинета выглянула сотрудница:

— Порошина Надежда Александровна, проходите.

— Мы можем сначала прочитать её объяснение?

— После оформления.

— Она подписала?

Елизавета покачала головой.

— Ещё нет.

— Тогда я подожду с ней.

Сотрудница недовольно посмотрела на часы.

— Хорошо. Ознакомьтесь и подпишите. Потом пригласим вас.

Она протянула несколько листов.

Сёстры отошли к подоконнику.

Елизавета начала читать.

Уже в первом абзаце стояло:

**«Являюсь родной сестрой Порошиной Н.А., под-
держиваю с ней близкие отношения».**

Дальше:

**«О конфликтных отношениях между Порошиной
Н.А. и Толстиковым А.Л. знаю преимущественно со
слов сестры».**

— Преимущественно? — спросила Елизавета. — Я не говорила «преимущественно».

Лина читала через её плечо.

Следующая фраза:

**«После раздельного проживания Порошина Н.А.
находилась в тревожном эмоциональном состоянии,
причины которого мне достоверно неизвестны».**

— Я назвала причины.

— Но ты не присутствовала при большинстве событий.

— Здесь написано, что они мне неизвестны.

— Попроси исправить.

Ниже:

«Лично противоправных действий Толстикова А.Л. в отношении несовершеннолетней Юлии не наблюдала».

Елизавета подняла голову.

— Меня не спрашивали о противоправных действиях. Меня спросили, видела ли я, как он причинял ей вред.

— Не подписывай пока.

Они вернулись к кабинету.

— Здесь нужно исправить, — сказала Елизавета.

Сотрудница взяла листы.

— Что именно?

— Я не говорила, что знаю о конфликте преимущественно со слов сестры. Я лично видела часть происходившего.

— Ниже перечислено, что именно видели.

— Но первая фраза обесценивает всё остальное.

— Она отражает обстоятельства. Вы не проживали с ними постоянно.

— С августа я часто находилась у них.

— Постоянно проживали?

— Нет.

— Тогда основная информация действительно получена от сестры.

— Не основная. Разная.

Женщина вздохнула.

— Как предлагаете сформулировать?

Елизавета медленно произнесла:

— «О части обстоятельств мне известно со слов сестры, часть событий наблюдала лично».

Сотрудница исправила текст.

— Ещё?

— Причины тревоги мне известны.

— Со слов сестры.

— И из сообщений Алексея, которые я видела.

— Полную переписку вы не читали.

— Но отдельные сообщения читала.

После паузы появилась новая формулировка:

«Со слов Порошиной Н.А. и из отдельных сообщений Толстикова А.Л. связывала её состояние с конфликтом между сторонами».

Лина прочитала.

Слова стали точнее.

Но смысл снова изменился.

Не поведение Алексея вызывало страх.

Существовал «конфликт между сторонами».

Равный.

Обоюдный.

Без начала и причины.

— Я не согласна со словом «конфликт», — сказала Елизавета.

— Между ними имеются разногласия?

— Имеются.

— Они проживают раздельно?

— Да.

— Обращаются в органы?

— Обращается в основном он.

— Но ваша сестра тоже подаёт заявления и возражения?

— В ответ на его обращения.

Сотрудница посмотрела на Лину:

— Не вмешивайтесь в объяснение свидетеля.

— Это сказала я, — ответила Елизавета. — Не она.

— Тогда как вы предлагаете назвать отношения сторон?

Елизавета задумалась.

«Преследование» не запишут.

«Контроль» назовут оценкой.

«Психологическое насилие» потребует заключения специалиста.

«Давление» снова окажется субъективным восприятием.

— Напишите: «связанные с неоднократными обращениями Толстикова в отношении Порошиной и требованиями передачи ребёнка».

Женщина несколько секунд смотрела на неё.

— Это слишком длинно.

— Но точно.

Фразу внесли.

Дальше исправили ещё два предложения.

Строку о том, что Елизавета не наблюдала противоправных действий, она попросила заменить:

«Физического насилия в отношении Юлии лично не наблюдала. Наблюдала нарушения сна ребёнка после отдельных встреч, причины которых достоверно установить не может».

— Вот теперь подпишу, — сказала она.

Сотрудница вернула бумаги.

— Читайте полностью.

— Я и читаю.

Подпись Елизавета поставила только после третьего прочтения.

Когда она вышла, Лина всё ещё ждала у двери.

— Ты была права, — сказала сестра.

— В чём?

— Они записывают не то, что человек сказал. Они записывают то, что из сказанного можно использовать.

— Тебя заставляли?

— Нет.

— Давили?

— Тоже нет.

— Тогда что?

Елизавета посмотрела на листы в руках сотрудницы.

— Каждый вопрос был нормальным. Каждое уточнение — логичным. Но если сложить всё вместе, получается, что я ничего не знаю.

— Потому что ты моя сестра?

— Потому что на каждый факт нашлась граница.

Она загнула пальцы:

— Камеры видела, но не слышала всех разговоров о них.

Твоё состояние видела, но я не врач. Сообщения читала, но не всю переписку. На встрече была, но не на каждой. С детьми оставалась, но не живу с вами постоянно.

— Так и работает проверка показаний.

— Нет. Проверка — это когда выясняют, правда ли я говорю. А здесь выясняли, почему моим словам можно не придавать значения.

Дверь снова открылась.

— Порошина Надежда Александровна, теперь вы.

Лина отдала сумку сестре.

— Подождёшь?

— Конечно.

— Это может быть долго.

— Я никуда не тороплюсь.

Лина вошла.

На столе уже лежало объяснение Елизаветы.
Сверху.

Под ним — заявление Алексея.

Лина узнала его подпись.

Два документа соприкасались краями.

Но заявление Алексея занимало семь страниц.

Объяснение сестры — три.

— Присаживайтесь, — сказала сотрудница.

Лина села.

— Ваша сестра сообщила, что после переезда вы испытывали выраженную тревогу.

— Да.

— Обращались за медицинской помощью?

— Не сразу.

— Почему?

— Нужно было заниматься детьми, жильём и документами.

— То есть подтверждения состояния на тот период нет?

— Есть сообщения сестре, записи и фотографии.

— Фотография не подтверждает эмоциональное состояние.

— Но свидетель может подтвердить.

— Ваша сестра является близким родственником.

— Это не означает, что она лжёт.

— Никто не говорит, что она лжёт.

— Тогда почему родство каждый раз подчёркивается?

Сотрудница сложила руки на столе.

— Потому что при оценке объяснений учитываются отношения между людьми.

— Отношения Елизаветы со мной учитываются. А отношения Алексея со мной?

— Разумеется.

— В его заявлении указано, что он заинтересован?

— Он является отцом ребёнка.

— И стороной конфликта.

— Это очевидно из материалов.

— Тогда почему возле его слов не написано, что он заинтересован в исходе?

Женщина нахмурилась.

— Мы не ставим отметки возле каждого документа.

— Но возле показаний сестры первой строкой написано, что она мой близкий родственник.

— Потому что это имеет значение.

— А то, что Алексей подал заявление против меня, имеет значение для достоверности его слов?

— Его доводы тоже будут проверяться.

— Кем?

— В установленном порядке.

— Его спросили, зачем он сообщил, что дети были одни, если не находился в квартире?

— У нас нет обязанности раскрывать вам содержание всех действий проверки.

— Тогда как я могу опровергнуть то, чего не знаю?

— Сейчас речь идёт не об опровержении, а об установлении обстоятельств.

Лина услышала знакомую конструкцию.

Не наказание — проверка.

Не обвинение — выяснение.

Не преследование — реализация права.

Каждое слово снимало ответственность с того, кто начал процесс.

— Хорошо, — сказала она. — Какие обстоятельства вы хотите установить?

— Находились ли дети без присмотра.

— Нет.

— Это подтверждает ваша соседка.

— Тогда вопрос закрыт?

— Необходимо получить все объяснения.

— Какие ещё?

— Устанавливается, почему вы не передали дочь отцу, если не могли осуществлять присмотр самостоятельно.

Лина почувствовала, как напряжение поднимается от живота к груди.

Вот оно.

Не безопасность детей.

Не отсутствие взрослого.

Снова вопрос, почему Юля не оказалась у Алексея.

— Я осуществляла присмотр, — сказала она. — На время работы со мной по договорённости находилась соседка.

— Но отец ребёнка был готов забрать дочь.

— Он не сообщал мне об этом заранее.

— В своём объяснении он указал, что неоднократно предлагал помощь.

— Не помощь. Он требовал передавать Юлю ему.

— Это ваша оценка.

— У меня есть переписка.

— Предоставьте полностью.

— Предоставлю.

— Без выборочного удаления сообщений.

Лина посмотрела на женщину.

— Почему вы предполагаете, что я что-то удаляла?

— Не предполагаю. Разъясняю требования к доказательству.

— А у Алексея запросили полную переписку?

— Мы обсуждаем ваши материалы.

— Значит, нет.

— Порошина Надежда Александровна, если вы будете воспринимать каждый вопрос как обвинение, мы не продвинемся.

— Я воспринимаю вопрос как вопрос. Поэтому задаю встречный.

— Здесь вопросы задаю я.

В кабинете стало тихо.

Мужчина у окна впервые поднял голову.

Лина медленно выдохнула.

— Хорошо. Спрашивайте.

Сотрудница посмотрела в заявление.

— Почему вы не обратились к отцу ребёнка, когда вам потребовалась помощь с детьми?

— Потому что помощь мне оказала Галина Сергеевна.

— Почему предпочли постороннего человека родному отцу?

— Потому что дети оставались дома вместе. Павлу не нужно было куда ехать. Юля находилась в привычной обстановке. Я доверяю Галине Сергеевне.

— Отцу ребёнка не доверяете?

— Не доверяю ему находиться с Юлей без контроля, если он употребляет алкоголь.

— В день, о котором идёт речь, он употреблял?

— Я его не видела.

— Значит, подтвердить не можете?

— Не могу подтвердить и обратное.

— Но сделали предположение не в его пользу?

— Я не обязана каждый раз подвергать ребёнка риску, чтобы потом получить доказательство.

Сотрудница записала ответ.

— Ваша сестра утверждает, что вы не препятствовали общению.

— Не препятствовала.

— Однако она присутствовала только при одной встрече и двух видеозвонках.

— Это не отменяет остальных встреч.

— Остальные она не видела.

— Поэтому о них могу рассказать я.

— Вы являетесь заинтересованной стороной.

Слова прозвучали ровно.

Без обвинения.

Без насмешки.

Как название процессуального положения.

И всё же Лина почувствовала, будто её голос только что стал тише.

— Получается, — спросила она, — моя сестра заинтересована, потому что близка мне. Я заинтересована, потому что являюсь стороной. Павел будет заинтересован, потому что мой сын. Ирина — потому что подруга.

— Достоверность каждого объяснения оценивается в совокупности.

— С чем?

— С другими материалами.

— С заявлением Алексея?

— В том числе.

— А он заинтересован?

Сотрудница закрыла ручку колпачком.

— Мы уже это обсудили.

— Нет. Вы сказали, что его доводы проверяются.

— Именно.

— Но пока проверяют нас.

— Потому что обращение поступило от него.

Вот ответ.

Простой.

Первым обратился Алексей.

Поэтому его версия стала вопросом.

А Лина, её сестра, соседка и дети — людьми, обязанными отвечать.

Когда Лина вышла, Елизавета стояла возле окна.

— Долго.

— Да.

— Всё нормально?

— Не знаю.

— Что спрашивали?

— Почему я оставила детей с Галиной Сергеевной, а не передала Юлю Алексею.

— Значит, всё-таки не про то, были ли они одни.

— Похоже.

Они направились к выходу.

На первом этаже Елизавета остановилась у автомата с кофе.

— Будешь?

— Нет.

— Я возьму.

Пока аппарат гудел, Лина смотрела на людей в холле.

Кто-то заполнял заявление.

Кто-то говорил по телефону.

Женщина успокаивала плачущего ребёнка.

Обычное учреждение.

Никто не выглядел злым.

Никто не пытался сознательно уничтожить чужую правду.

Каждый просто выполнял свою часть работы.

Спрашивал то, что полагалось.

Записывал допустимое.

Отделял увиденное от услышанного.

Факт от оценки.

Событие от последствия.

Комнату от дома.

Елизавета взяла бумажный стаканчик.

— Знаешь, что самое странное?

— Что?

— Я рассказывала правду.

— Знаю.

— И они не сказали, что не верят.

— Нет.

— Но после каждого ответа получалось, что он ничего не доказывает.

Они вышли на улицу.

Холодный воздух ударил в лицо.

Елизавета застегнула пальто.

— Может, нужно было говорить жёстче.

— Тогда написали бы, что ты эмоционально настроена против него.

— Спокойнее?

— Тогда решили бы, что ничего серьёзного не происхо-

дило.

— Больше дат?

— Спросили бы, почему ты их заранее записала.

— Меньше?

— Сказали бы, что не помнишь.

Елизавета усмехнулась.

— Удобно.

Лина посмотрела на окна кабинета.

За одним из них уже двигались другие люди.

Их разговор закончился.

Остался только протокол.

— Дай мне копию объяснения, когда получишь, — сказала она.

— Зачем?

— Положу в папку.

— В «Свидетели»?

— Да.

— Даже после всего?

— Особенно после всего.

Елизавета отпила кофе.

— Ты понимаешь, что они могут всех так разобрать?

— Теперь понимаю.

— Тогда зачем продолжаешь?

Лина вспомнила сон.

Отдельные комнаты.

Листы, разорванные пополам.

Человека у белой двери.

— Потому что если отказаться от каждого свидетеля заранее, останется только его заявление.

— А если наши слова всё равно не соединят?

— Я соединю.

— Как?

— Составлю хронологию. Напротив каждого события укажу документ и человека, который подтверждает именно эту часть.

— Это же огромная работа.

— Да.

— Ты опять не будешь спать.

— Буду.

Елизавета посмотрела на неё так же, как сотрудница в кабинете смотрела на свидетеля, чьи слова требовали проверки.

— Когда?

Лина не ответила.

Дома Павел встретил её в прихожей.

— Как прошло?

— Нормально.

Он посмотрел на тётю Елизавету.

— А тебя спрашивали?

— Спрашивали.

— Поверили?

Елизавета сняла обувь.

— Не знаю.

— Как можно не знать?

— Они не говорят сразу.

— А что ты рассказывала?

— Что видела после вашего переезда.

— Про то, что мама не спала?

— Да.

— Про машины?

— Да.

— Про то, что мы проверяли дверь?

— Да.

Павел перевёл взгляд на мать.

— И этого мало?

Лина повесила куртку.

— Это важно. Но тётя Лиза видела только то, что происходило после переезда.

— А до этого?

— До этого видели мы.

— Значит, меня всё-таки будут спрашивать?

— Я не знаю.

Павел нахмурился.

— Ты всё время не знаешь.

— Потому что решения принимаю не только я.

— А Алексей знает?

— Что именно?

— Что тётя Лиза ходила?

— Скорее всего.

— Откуда?

Лина почувствовала знакомое напряжение.

— Такие вещи могут быть указаны в материалах.

— Он прочитает?

— Возможно.

— И что скажет?

Телефон в кармане завибрировал.

Все трое замолчали.

Лина достала его.

Сообщение от Алексея:

ПРИВЕЛА СЕСТРУ ВРАТЬ ЗА ТЕБЯ?

Павел смотрел на экран.

Она не успела отвернуть телефон.

Следом пришло второе:

**РОДСТВЕННИКИ НЕ СВИДЕТЕЛИ. ОНИ СКА-
ЖУТ ВСЁ, ЧТО ТЫ ИМ ПРИКАЖЕШЬ.**

Елизавета протянула руку.

— Дай.

— Зачем?

— Прочитаю полностью.

Лина передала телефон.

Сестра перечитала сообщения.

Потом нажала кнопку блокировки и вернула устройство.

— Не отвечай.

— Не буду.

— Он хотя бы последователен.

— В чём?

— Они сказали, что я заинтересована, потому что сестра.

Он говорит, что я вообще не свидетель, потому что сестра.

Павел спросил:

— А родственник не может говорить правду?

— Может, — ответила Елизавета.

— Тогда почему ему не верят?

— Потому что он может хотеть помочь.

— А чужой человек?

— Может не знать, что происходило.

Павел подумал.

— Значит, тот, кто знает, считается заинтересованным. А тот, кто не заинтересован, ничего не знает?

Лина посмотрела на сына.

Слишком точная формулировка для ребёнка.

Но дети часто видели устройство вещей быстрее взрослых, потому что ещё не умели прикрывать противоречия сложными словами.

— Получается так, — сказала Елизавета.

— Тогда кто вообще может быть свидетелем?

Никто не ответил.

Вечером Лина сканировала документы, которые принесла сестра.

На фотографии возле окна она увеличила собственное лицо.

Размытое.

Бледное.

Глаза направлены вниз, во двор.

Если не знать истории, можно было решить, что женщина просто задумалась.

Нельзя сфотографировать ожидание угрозы.

Нельзя приложить к заявлению звук шагов, которых боишься.

Нельзя измерить, сколько раз за ночь человек проверяет замок.

Она открыла новую таблицу.

В первой колонке написала:

Событие.

Во второй:

Кто видел.

В третьей:

Что подтверждает.

В четвёртой:

Что не может подтвердить.

Первая строка:

Первые недели после переезда.

Елизавета.

Бессонница, проверки замков, страх машин и звонков, сохранение сообщений, попытки обеспечить безопасность детей.

В последней колонке Лина написала:

Не присутствовала при большинстве действий Алексея, вызвавших это состояние.

Она посмотрела на фразу.

И добавила пятую колонку:

Связь с другими доказательствами.

Туда внесла:

Сообщения Алексея о намерении найти адрес. Аудиозапись второго декабря. Свидетельство Ирины. Журнал звонков.

Теперь объяснение сестры не висело отдельно.

Оно соединялось с документами.

Лина сохранила таблицу.

Распечатала первую страницу.

Положила её в синюю папку перед объяснением Елизаветы.

На телефоне снова появилось сообщение.

МОЖЕШЬ ПРИВЕСТИ ХОТЬ ВСЮ СЕМЬЮ. ЭТО НЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Лина сделала скриншот.

Ответила впервые за день:

Их близость ко мне не делает их лжецами.

Алексей напечатал сразу:

ДЕЛАЕТ ИХ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫМИ.

Лина посмотрела на слово.

Потом написала:

А тебя кем делает желание получить нужное решение?

Три точки появились.

Исчезли.

Снова появились.

Ответа не было несколько минут.

Наконец пришло:

Я ОТЕЦ. Я ЗАЩИЩАЮ СВОИ ПРАВА.

Не дочь.

Не безопасность Юли.

Свои права.

Лина сохранила и это сообщение.

Внесла в таблицу.

В колонке «**Связь с другими доказательствами**» появилась ещё одна строка.

Папка становилась толще.

Но дело было не в количестве страниц.

Сегодня Лина поняла главное.

Свидетель мог рассказать правду.

Его не обязательно было обвинять во лжи.

Достаточно было объяснить, почему его правда не считается независимой.

Сестра видела последствия, потому что находилась рядом.

И именно близость стала причиной, по которой её словам предлагали верить меньше.

Лина закрыла папку.

На синей обложке чёрным маркером было написано:

СВИДЕТЕЛИ.

Она провела пальцем по буквам и тихо произнесла:

— Заинтересованные — не значит лживые.

Из комнаты Павла донёсся голос:

— Что?

— Ничего.

— Ты с кем разговариваешь?

Лина посмотрела в тёмное окно.

В стекле отражалась она сама.

Синяя папка.

И три слабые красные точки, которых в комнате не было.

— С собой, — ответила Лина.

На этот раз она не стала проверять, откуда взялось отражение.

Глава 13. Три минуты без присмотра

Галина Сергеевна принесла яблочный пирог.

Она вошла в квартиру, стряхнула с плеч мелкий снег и протянула Лине контейнер.

— Возьми. Утром испекла.

— Вам же сейчас ехать давать объяснение.

— И что? Это не повод приходить с пустыми руками.

Павел выглянул из комнаты.

— Тот самый?

— Какой «тот самый»?

— Который мы ели, когда сад закрыли.

Галина Сергеевна улыбнулась.

— Почти. Тогда яблоки были другие.

— А рецепт тот же?

— Тот же.

Павел подошёл ближе и заглянул под прозрачную крышку.

— Можно кусочек?

— После обеда, — сказала Лина.

— Почему?

— Потому что ты ещё не ел суп.

— А если сначала пирог, потом суп?

— Нет.

Галина Сергеевна сняла пальто.

— Дай ребёнку. Перед объяснениями сладкое полезно.

— Объяснения даёте вы, а не он.

— Я на всех принесла.

Она поставила контейнер на стол.

Юля сидела в детском стульчике и сразу потянулась к нему.

— Тебе нельзя, — сказал Павел. — Там сахар.

Девочка недовольно стукнула ладонью по столику.

Галина Сергеевна посмотрела на неё:

— А эта тоже всё понимает.

— Она особенно понимает, когда ей что-то не дают, — сказала Лина.

Несколько минут они говорили о пироге, погоде и лекарствах для Юли.

Обычный разговор.

Но на краю стола лежала синяя папка, и Галина Сергеевна постоянно поглядывала на неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.